

Более полное собрание (если не ошибаюсь) собирается выпустить Валерий Брюсов, кажется, в «Альционе»³.

Александр Блок⁴

¹ ЦГАЛИ, ф. 1890, оп. 2, ед. хр. 1, л. 1—2.

² Этот сборник Каролины Павловой Блок получил от московского книгопродавца Фадеева 22 ноября 1912 г. (VII, 182).

³ Двухтомное собрание сочинений Каролины Павловой под редакцией В. Я. Брюсова вышло в московском издательстве К. Ф. Некрасова в 1915 г.

⁴ ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 32.

III. БЛОК И ЖУРНАЛ «СОФИЯ»

6 мая 1921 г. в Москве Блок выступил в Институте итальянской культуры (Lo Studio Italiano). Обстоятельства приглашения Блока изложены в воспоминаниях М. И. Грифовой¹. Однако в них, по-видимому, содержатся некоторые неточности, устраняемые приводимыми ниже материалами. В частности, в этом эпизоде выпало имя Павла Павловича Муратова (1881—1951), личность которого — «одного из тончайших созерцателей и в высокой степени чуткого знатока искусства»² — была чрезвычайно авторитетна для Блока.

В 1914 г. Муратов издавал в Москве художественный журнал «София», стоявший под знаком «поисков художественного синтеза», — эта задача ощущалась как насущная в последний предвоенный сезон³. Толчком к возникновению журнала было открытие древнерусской иконописи. В статье «Возраст России», открывавшей журнал, говорилось: «Благодаря искусству нам является теперь образ первой России, более рыцарственный, светлый и легкий, более овеянный ветром западного моря и более сохранивший таинственную преемственность античного и первохристианского юга. <...> Мы слишком долго отказывались от него, забывали о нем, поглощенные историческими бедствиями второй и третьей России. В заботах о будущем мы не раз обольщались мыслью начать все сначала, как начинают страны молодые, страны без прошлого. Но в России нельзя не ощущать прошлого, не будучи ей чужим, так же как нельзя не ощущать прошлого и быть достойным Италии. Сознание важности и древности теней, все еще витающих над опустошенной Русью — вот первое, чему учат нас новые художественные открытия»⁴.

По замечанию Н. Н. Пунина, «„София“ имела смелость говорить о великих именах и говорить часто новым языком»⁵. Среди материалов, помещенных в журнале, многие должны были привлечь внимание Блока, — например, статья К. Локса «Апулей» (№ 3): в октябре 1912 г. Блок перечитывал Апулея (VII, 165). Но, конечно, в первую очередь таким материалом была заметка Б. А. Грифцова «Роза и крест» (подписанная «Б. Г.») в первом номере. Здесь Блок прочел важное для себя утверждение о «несомненной и простой сценичности его новой драмы» («Она вполне осуществима и на современной сцене. В роли Изоры — богатый материал для драматической актрисы»). В этой заметке пьеса анализировалась именно как сценарий театрального действия, с учетом законов зрительского восприятия: «Представляем себе, что некоторые поклонники Блока будут огорчены недостаточной напряженностью многих страниц его новой драмы. Но можно иначе взглянуть на это умышленное самоограничение: должны медленно и привычно развертываться многие сцены, чтобы среди них вдруг возникли лирические моменты, нужные простые и долгие рассказы, чтобы стала выносива исключительная острота основной, в обрывках вспоминающейся все время, создающей действительно содержание пьесы песни странника „Путь твой грядущий — скитанье...“ <...> Лирическое течение пьесы, рисковавшее напрячься до непередаваемой идейности (что отчасти и случилось прежде с „Незнакомкой“), сменяется подлинной иронией. Простота ситуаций сдерживает и только подчеркивает ту старинную идею, к которой все творчество Блока приближается с исключительной личной болью, преданностью»⁶.

22 марта 1914 г. сотрудничавший в «Софии» П. С. Сухотин (Блок одобритительно отзывался о его статье «Древнерусская повесть» в № 2) писал Блоку: «Счастливи еще исполнить данное мне поручение Павлом Павловичем Муратовым — выразить его полную солидарность со мною в отношении к Вам как к поэту и литератору. Редакция „Софии“ долгое время не решалась беспокоить Вас просьбой о сотрудничестве, но Ваши строки ко мне послужили последним толчком⁷, и мы просим Вас не отказать нам в любезности высказать по поводу этого свое мнение. Разрешите ждать от Вас ответа в ближайшее время. <...> Адрес мой: „София“, Павлу

Сергеевичу Сухотину. Павел Павлович просит также писать ему на „Софию“»⁸. 7 апреля Блок ответил: «Спасибо Вам и „Софии“ за приглашение сотрудничать, не знаю только, чем могу быть ей полезным. Если что надумаю, пришло. „Софию“ я люблю. Передайте, пожалуйста, Павлу Павловичу Муратову мой поклон и мое искреннее уважение; по Италии я ездил в 1909 году, скоро после него, и местами находил его следы в виде надписей в книгах при музеях и церквях. С тех пор как-то часто я вспоминал его, не будучи знакомым, и время выхода его книг, особенно „Образов Италии“ для меня памятно» (VIII, 437).

А 7 мая Блок написал и самому Муратову:

7 мая 1914.

СПб. Офицерская 57, кв. 21

Многоуважаемый Павел Павлович.

Спасибо Вам за Ваше милое отношение ко мне и за приглашение Ваше в «Софию». Я думаю о том, чтобы написать для Вас, думаю, в частности, и о Лермонтовском юбилее, но не могу сейчас обещать Вам положительно. Напишу Вам, если дело наладится. Уж очень я отвык за последние годы писать статьи, хочется писать их совсем иначе, чем прежде писал, языка своего не люблю. При этом — лень — мой всегдашний порок, да еще я не знаю, где и как буду летом, а на осень у меня большой заказ — перевод⁹. Вся эта куча причин венчается одной главой, а именно: если бы мне удалось приняться за новую пьесу, я бы все остальное с чистым сердцем забросил. Спасибо Вам, во всяком случае, верьте, что мне дорого Ваше отношение ко мне.

Преданный Вам Ал. Блок¹⁰

В этом откровенном, доверительном письме содержится важное признание, сам факт которого свидетельствует о симпатии к адресату, — мечта о новой драме. Можно предположить, что речь идет о нереализованном замысле «драмы о фабричном возрождении России». Блок записал план этой пьесы 9 декабря 1913 г. и позднее не раз возвращался к нему. С одним из мотивов плана — «Читая словарь(!), обнаруживает уголь, копают и — счастливычк — нашел пласт, ничего не зная...» (VII, 251) — по-видимому, связана запись от 11 января 1914 г.: «Телефон с книжным магазином насчет геологических карт» (ЗК, 200). О Лермонтове Блок говорил спустя пять дней после приведенного письма с Мейерхольдом (ЗК, 227). Но сотрудничество Блока в московском издании, о котором он записал 28 мая 1914 г. — «Хороший журнал — эта „София“...» (ЗК, 230), — не состоялось¹¹.

В позднейшей мемуарной заметке П. П. Муратов писал:

«Я мало знал Блока. В прежние времена видел его два-три раза, слышал, как читал он „Незнакомку“. Во время издания „Софии“ мы обменялись с ним письмами, содержание которых я, однако, не помню. <...> Весной 1921 года я состоял председателем странного учреждения, носившего имя „Студии Италиано“. <...> То был, в сущности, маленький кружок лиц, дружных между собой и связанных общей любовью к Италии. В самые тяжелые и страшные годы появлялись на стенах московских домов афиши, извещавшие о предпринятом нашим кружком „осеннем“ или „весеннем“, „флорентийском“ или „венецианском“ цикле лекций. Лекцию о Венеции или Флоренции прочесть немудрено, даже в шубе, даже в зале с температурой ниже нуля, но меня всегда удивляло, как это находились люди, готовые эти лекции слушать. <...> Как бы то ни было, наши лекции посещали, и посещали очень приятные люди. „Студия“ некоторым образом укреплялось, и это привлекло внимание власти. После сложных дипломатических переговоров с Главнаукой нас „ввели в сеть“ каких-то народно-образовательных учреждений и обязали получать заработную плату. <...> Денег получалось очень немного, но мы эти деньги хранили и раз или два в сезон сообщая готовили на них макароны, покупали вино. Раз или два потчевали даже заезжих итальянских литераторов.

Весной 1921 г. „Студия“ переживало как бы расцвет. <...> „Весенний цикл“ мы решили во всяком случае закончить празднично: мы узнали о приезде в Москву Блока и „постановили“: пригласить его прочесть у нас „Итальянские стихи“. Блока должен был приглашать я. Я отправился разыскивать его в дом одного литератора, славившегося своим умением доживать дрова и недурно жившего в переулке близ Пречистенского бульвара. Здесь Блока не оказалось, но выскочил на мой вопрос высокий человек с прворвными манерами <...>. То был Корней Чуковский; он взялся немедленно доставить меня к Блоку.

Мы направились в конец Арбата к „профессору“ Когану. <...> Я не был знаком с „профессором“, мы познакомились без всякого энтузиазма. Он осведомился о цели моего посещения; вышел Блок, тяжело волоча ноги, явно больной, желто-бледный, осунувшийся, чем-то недовольный, чем-то крайне расстроенный. Он стал жаловаться на свое здоровье и на тот прием, который ему оказала Москва. Разговор принял неожиданный и неприятный оборот: больше всех стрекотал Чуковский, убеждая Блока, что, действительно, он все еще знаменит и все еще популярен, что „выступление“ его имело огромный успех, и виноваты лишь распорядители, что какие-то „курсистки“ собрались „засыпать его цветами“, но вот только не достали цветов <...>. Мне было досадно и неловко и грустно за Блока. Я уже раньше слышал, что он остался очень недоволен своим вечером, кажется, в консерватории. Слушатели раздражали его, обратившись к одному из них в солдатской шинели, он, глядя на него в упор, медленно прочел свои латинские стихи. <...>¹² Читать у нас Блок отказывался. Он жаловался, кроме того, что ему предстоит читать в тот вечер в каком-то „Доме печати“. Я разъяснил ему, что „Дом печати“ учреждение казенное. <...> Мне никогда в жизни не приходилось приглашать куда-либо каких-либо знаменитостей. Чувствуя себя не на высоте положения, я встал и попрощался. Чуковский крайне засуетился в беспредметном своем любопытстве. Прощаясь с Блоком, я сказал, что друзья мои и друзья нашего „Студио“ будут, конечно, жалеть. В лице Блока мелькнуло вдруг что-то доброе и человеческое. „Я постараюсь прийти, я наверно приду“ — сказал он и, наконец, улыбнулся.

В тот вечер у нас было еще какое-то чтение¹³. О Блоке стало уже известно, и в аудитории курсов Герье в Мерзляковском переулке собралось больше народу, чем собиралось обыкновенно. Мы ждали и не напрасно. В одиннадцатом часу на лестнице послышался шум, вошел Блок, кучка верных людей сопровождала его; несколько барышень несли цветы. Это, вероятно, и были обещанные Чуковским „курсистки“.

Блок казался возбужденным и более бодрым. Поздоровавшись, он успел мне рассказать, что в „Доме печати“ какой-то молодой поэт (Блок сказал „какой-то идиот“) аттестовал его мертвецом и выходцем с того света¹⁴. Я заметил, что иного от этих господ и не следовало ждать. Блок махнул рукой и начал читать стихи.

Он начал читать несколько „скупо“ и утомленно. Но аудитория наша состояла из людей, которые знали и любили его стихи. Блок это угадал, услышал — иной раз замедленное им слово произносилось полупшепотом сразу на нескольких скамьях. Блок остановился, радость мелькнула в его лице, озаренном внутренним огнем былых вдохновений, голос его зазвучал иначе...

...Я в эту ночь больной и юный
Простерт у львиного столба¹⁵.

Я смотрел сбоку на его тяжелый и правильный профиль, видевший столько житейских бурь и вот смягченный, видимо, этой минутой бережного внимания, этим ветром сочувствия. Невольно думалось, как немного, в сущности, нужно, чтобы внимающий нашел того, кому он счастлив внимать и чтобы поэт перестал себя чувствовать вопиющим в пустыне. Каким образом могло случиться, что этот столь многими любимый в прекрасном своем даровании человек, столь явно одинок и несчащен, столь горестно молчалив...¹⁶

Эту „минуту бережного внимания“ должно отнести к самым отрадным моментам в последнем году блоковского земного бытия. Он отметил в своем дневнике: «приветствие Муратова, Зайцев, милая публика» (VII, 418). Резюме краткого приветствия председательствовавшего П. П. Муратова привел в своем дневнике К. И. Чуковский: «Не знаю, как люди другого поколения, но для нас, родившихся между 1880 и 1890 годом, Александр Блок — самое дорогое имя» (наст. т., кн. 2, с. 256).

¹ М. И. Г р и ф ц о в а. Из воспоминаний об Институте итальянской культуры в Москве. — «Дантовские чтения». М., 1979, с. 262.

² Н. П у н и н. «София», № 1. — «Северные записки», 1914, № 1, с. 214.

³ См. письмо В. А. Дмитриева к П. П. Муратову от 13 октября 1913 г. — ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 778.

⁴ «София», 1914, № 1, с. 4.

⁵ «Северные записки», 1914, № 12, с. 175.

⁶ «София», 1914, с. № 1, с. 129—130.

⁷ Речь идет, по-видимому, о письме Блока к Сухотину от 19 марта 1914 г.: «Книгу Вашу

получил, спасибо Вам за нее и за Вашу сердечную надпись от души («Блоковский сб.», 1, с. 546).

⁸ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 418, л. 1—2.

⁹ Речь идет о переводе из Г. Флобера.

¹⁰ ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 40.

¹¹ С началом войны издатель «Софии» К. Ф. Некрасов был вынужден прекратить издание журнала. Об этом, ссылаясь на письмо К. Ф. Некрасова, Блок сообщил В. Н. Княжину 30 августа 1914 г. (Письма Александра Блока. Л., 1925, с. 204).

¹² Сохранилась записка, посланная Блоку на этом вечере: «Мы ничего не поняли по латыни. Просим Ваш перевод» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 14).

¹³ В тот вечер читался доклад М. Осоргина.

¹⁴ Об этом эпизоде см. наст. т., кн. 2, с. 256.

¹⁵ Из стихотворения «Венеция» («Холодный ветер от лагуны...»).

¹⁶ «Возрождение». Париж, 1927, № 828, 8 сентября. Этот четвертый очерк из цикла «Ночные мысли» — «Воспоминания о Блоке».

IV. БЛОК И КРУЖОК «АРИОН»

3 февраля 1919 г. Блок получил письмо от П. Н. Зайцева, написанное на бланке журнала «Сирена»¹:

«Многоуважаемый Александр Александрович.

По поручению редакции воронежского журнала „Вестник Воронежского округа путей сообщения“ обращаюсь к Вам с очень большой просьбой дать для этого журнала Ваши стихи.

Я здесь, в Москве, состою представителем этого журнала, равно как и „Сирены“, и нахожусь в постоянных сношениях через „оказию“ с Воронежем. Поэтому лучше всего будет, если Вы вышлете Ваши стихи мне сюда. Немедленно по получении их я вышлю Вам гонорар (за ненапечатанные вещи 5 р. строка, за напечатанные ранее, но малоизвестные — 3 р.). Желательно ненапечатанные.

Затем позвольте обратиться к Вам с очень большой просьбой: не встречаетесь ли Вы с Ник. Клюевым? с Цензором? Если да, то передайте, пожалуйста, им, особенно Клюеву, приглашение в „Сирену“ и „Вестник“. Им гонорар 3 р. строка. Если бы они выслали также мне сюда стихи, я мог бы немедленно оплатить их.

Кроме того, позвольте еще затруднить Вас просьбой. Не имеете ли Вы у себя на виду молодых поэтов, неизвестных, но с признаками таланта. Для них страницы „Сирены“ открыты, и мне будет приятно получить их стихи, а им гонорар.

Надеюсь, я не очень затрудняю Вас этими просьбами, но иначе я не знаю, как мне быть. К сожалению, я не мог достать адреса Н. Клюева, я бы ему сам написал.

А Ваших стихов для „Вестника“ я очень жду, и надеюсь получить.

Кроме того, напоминаю Вам, что „Рабочий мир“ жив, вступил во второй год жизни и также очень бы хотел получить Ваши стихи (по новому тарифу 5 р. строка!).

Наконец, последняя просьба, касающаяся уже личного вопроса. Я пишу (не очень большое) исследование о „Соловьином саде“, который я и со мной многие считают изумительным по музыкальности Вашим созданием. Исследование, главным образом, формальное: ритм, образы и лишь в части затрагивает содержание, в котором я усматриваю нечто „антропософическое“ (в исследовании я этого слова не употребляю). Так вот мне для справки нужно было знать, в каком году эта поэма Вами написана.

Искренне уважающий Вас П. З а й ц е в ²

Блок ответил П. Н. Зайцеву 6 февраля 1919 г.:

«Многоуважаемый Петр Никанорович.

Посылаю Вам шесть стихотворений, из них: три набранных нигде не были напечатаны (это корректура моей книги, котор(ая) выйдет не ранее, чем через месяц). Три других были напечатаны в мало известных изданиях, притом — с кое-какими вариантами³.

Если пришлете мне деньги за все сразу, буду Вам благодарен. Распределяйте их между изданиями, как хотите.

Николай Клюев, по слухам, в Петербурге, но след его простыл. Я думаю, что он получит, если Вы напишете ему в Смольный, издательство Союза коммун С(еверо-)З(ападной) Области (бывш. Петросов(ета)).